

4. XX съезд: начало управляемой десталинизации

14 февраля 1956 г. в Кремле в присутствии представителей 55 «братских партий» открылся XX съезд КПСС, собравший 1436 делегатов, по большей части опытных аппаратчиков. Созванный за восемь месяцев до уставного срока в связи с насущной необходимостью подвести итоги произошедших после смерти Сталина изменений и дискуссии о выборе курса, съезд завершился знаменитым «секретным докладом» Хрущева. Этот вызвавший подлинное потрясение доклад был произнесен при закрытых дверях только перед советскими делегатами и открыл дорогу управляемой десталинизации.

Отчетный доклад ЦК, представленный съезду Хрущевым, бесспорно, подтвердил изменение политического курса, разрыв с многочисленными сталинскими постулатами и традициями, осуществленный в течение трех предыдущих лет как в области международных отношений, так и во внутренней политике, социальной и экономической. При всей своей глубине этот разрыв не был внезапным, а изменение курса — полностью отказывающимся от прежних представлений. Хотя в истории партии и прежде случались крутые повороты, в ходе которых пересматривались казавшиеся незыблемыми принципы, начало съезда и отчетный доклад никак не предвещали того, что произошло через десять дней.

Утверждая в качестве лейтмотива доклада защиту подлинного ленинизма, Хрущев начал с того, что подчеркнул важность международной разрядки, заявив не только о том, что столкновение блоков не является исторической неизбежностью, но и о том, что мирное сосуществование должно стать генеральной линией внешней политики СССР. По его мнению, благодаря новому, благоприятному для социализма соотношению сил в мире завоевание власти в «буржуазных странах» могло отныне совершаться конституционным путем.

Хрущев далее заявил — и это также было принципиальным разрывом со сталинской теорией и практикой, — что методы построения социализма могут видоизменяться в зависимости от конкретных условий каждой страны. Таким образом, навязывание советской модели в качестве обязательного образца уступало место признанию многообразия путей к социализму. Перейдя к экономике, докладчик изложил основные направления шестого пятилетнего плана, разработанные в соответствии с хрущевским «экономическим проектом». Особое внимание план уделял сельскому хозяйству, положение в котором оставалось тревожным, производству предметов потребления опережающими темпами по сравнению со средствами производства, а также жилищному строительству.

В идейно-политическом плане доклад Хрущева был достаточно осторожным. Первый секретарь ЦК КПСС ограничился кратким упоминанием преступлений, совершенных «кликкой Берии», и несколькими критическими замечаниями в адрес Молотова, Маленкова и Сталина (не называя имен), впрочем сглаженными признанием заслуг покойного вождя в борьбе против «врагов народа» и апологией принципа коллегиальности руководства. Восстановить и упрочить ленинский принцип коллективного руководства — таков был политический лейтмотив большинства выступлений на съезде. Коллективному руководству ораторы противопоставляли «культ личности», как правило стараясь по возможности избегать имен, и предлагали следующие решения: демократизировать партию, перестать жить в мире иллюзий и лжи. Наиболее серьезное выступление против «культа личности Сталина» и «нарушений социалистической законности» на открытых заседаниях принадлежало Микояну, который поименно назвал нескольких «врагов народа», на самом деле ими не бывших (Косиор, Антонов-Овсенко и др.), подверг критике неправильные выводы и извращения, содержащиеся в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. (в особенности по поводу революции 1917 г. и гражданской войны), а также экономические теории, выдвинутые Сталиным в 1952 г.

24 февраля Булганин в качестве главы правительства представил экономический доклад, а затем, как и полагается перед закрытием съезда, были проведены выборы руководящих органов партии. Прежде чем представить съезду список членов нового Президиума, избранный Первым секретарем ЦК КПСС Хрущев сообщил советским

делегатам, что вечером, после официального закрытия съезда, они должны явиться на закрытое заседание, куда иностранные участники не будут допущены.

В ночь с 24 на 25 февраля Хрущев в течение четырех часов зачитывал делегатам «секретный доклад», показывавший развитие и упрочение «культы личности», его проявления и последствия за прошедшие 20 лет. Как и отчетный доклад, «секретный доклад» Хрущева призывал к верности Ленину, а подробно описанная ленинская приверженность принципу коллегиальности служила точкой отсчета и примером, особенно наглядно показывавшим нарушение ленинских традиций Сталиным.

Из «секретного доклада» участники съезда узнали о «завещании» Ленина, существование которого до тех пор отрицалось партией. Доклад анализировал извращение Сталиным принципа демократического централизма, рассказывал о чистках и «незаконных методах следствия», при помощи которых у тысяч коммунистов были вырваны совершенно невероятные признания. Развенчав миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, доклад атаковал и миф о Сталине — «военачальнике», разрушив канонический образ генералиссимуса и воссоздав облик нерешительного и некомпетентного человека, ответственного за сокрушительные поражения 1941 — 1942 гг. Доклад также показал ответственность Сталина за депортацию кавказских народов, огульно обвиненных в сотрудничестве с немцами, за конфликт с Тито, фабрикации фальшивых заговоров в 1948 г. («ленинградское дело»), 1951 г. («мингрельское дело») и 1953 г. («дело врачей-убийц»). Доклад Хрущева рисовал новый образ Сталина — образ тирана, день за днем создававшего свой культ, образ некомпетентного, не желавшего никого слушать диктатора, «оторванного от народа» и ответственного за катастрофическое экономическое положение страны в 1953 г.

Доклад был насыщен деталями, которые шокировали аудиторию, но в то же время ему, безусловно, не хватало четкости, а содержащаяся в нем информация часто была приблизительной и неполной. В целом доклад оказался очень избирательным и поверхностным в осуждении сталинизма и не ставил под вопрос ни один из совершенных партией с 1917 г. поворотов. Выборочный характер проявлялся в том, что начало сталинского «отклонения» от ленинского курса, несмотря на принципиальный конфликт с Лениным еще при жизни последнего, определялось 1934 г., что исключало из числа ошибок и преступлений коллективизацию, голод 1932 — 1933 гг. и крайности, связанные с индустриализацией. О том же свидетельствовал и выбор жертв «культы личности», к которым были отнесены только коммунисты, придерживавшиеся четкой сталинской ориентации, но не оппозиционеры и не простые граждане. Сужая рамки незаконных репрессий до одних только коммунистов, ставших жертвами личной диктатуры Сталина, доклад обходил ключевой вопрос об ответственности перед обществом партии в целом. До сих пор в истории этого доклада еще остается много неясностей, а основным источником являются воспоминания самого Хрущева, требующие максимально осторожного к себе отношения. Тем не менее, даже если Хрущев и склонен преувеличивать свое значение, по всей видимости, он лично действительно сыграл, как это докажут последующие события, решающую роль в разоблачении — выборочном и контролируемом — преступлений Сталина, пойдя на политический риск, определявшийся тем, что подавляющее большинство участников съезда сделали карьеру именно в период «культы личности Сталина».

По словам Хрущева, руководители партии оказались после ареста Берии перед лицом такого количества откровений о деятельности аппарата политической полиции (в очень большой степени автономного и выведенного из-под контроля «обычных» инстанций партии) и фальсифицированных заговоров, что все они, в том числе Хрущев, пришли к выводу о необходимости получить более полную информацию. С этой целью была организована следственная комиссия, деятельность которой держалась в тайне, во главе с директором Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина Поспеловым — одним из главных теоретиков партии, отвечавшим за подготовку «Краткого курса истории ВКП(б)» 1938 г. Накануне открытия XX съезда партии комиссия закончила свою работу и представила обширные материалы. Согласно Хрущеву, создание комиссии частью Президиума, прежде всего Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем, было встречено без особого энтузиазма. Во время съезда после бурного заседания Президиума при трех голосах против (вышеназванных лиц) Хру-

шев якобы добился согласия доложить съезду выводы комиссии; свободной дискуссии все же было предпочтено закрытое заседание. В спешке, вызванной принятием решения в самый последний момент, доклад был представлен «рабочим документом», подготовленным Поспеловым, которому было поручено срочно переработать его в выступление. В действительности же доклад (сопровождаясь досье из 18 неизданных документов, проливавших свет на противостояние Ленина и Сталина), розданный делегатам на вечернем заседании 24 февраля, скорее всего, был подготовлен заранее. Руководство партии было, несомненно, готово пойти дальше речей, зачитанных во время «официальной части» съезда, но продолжало колебаться относительно формы разоблачений. Именно здесь решающую роль сыграла личная инициатива Хрущева. Показательно, что именно ему было поручено прочитать доклад и лично встретить непредсказуемую реакцию участников съезда.

Сразу же после окончания съезда текст доклада был издан в виде маленькой красной книжки. Первоначально предполагалось, что она будет доступна только членам партии; ответственные партийные работники должны были, каждый на своем уровне, зачитать ее подчиненным. Но уже в конце марта по указанию Хрущева она была открыта для всех граждан. Для знакомства с ней повсеместно были проведены собрания, в том числе и в школах для учеников старше 14 лет. В результате за несколько недель десятки миллионов советских людей услышали то, что 24 февраля было сообщено только самым выдающимся и опытным членам партии. О существовании доклада скоро стало известно за границей. Уже 16 марта «Нью-Йорк тайме» поместила соответствующую информацию, а 4 июня госдепартамент США опубликовал текст, подлинность которого СССР отказался признать. Вероятно, утечка произошла через польских коммунистов, переживавших вызванный смертью Берута период внутрипартийной борьбы, после того как по настоянию Хрущева они, как и другие делегации иностранных компартий, присутствовавшие на XX съезде, ознакомились с докладом (25 февраля каждой из них был выдан экземпляр русского текста с обязательством вернуть его на следующий день). Хотя советские власти не признали, однако они и не опровергли текст, опубликованный в США. Перед лицом этой двусмысленной политической линии каждая компартия поступала в соответствии со своей собственной политической стратегией и степенью своей скомпрометированности приверженностью сталинизму. Некоторые отвергли этот текст как грубую подделку американского правительства; ФКП употребила уклончивую формулировку («доклад, приписываемый...»), что освобождало ее от необходимости дискутировать о тексте, подлинность которого не была признана; ИКП же решила вынести все вставшие проблемы на публичное обсуждение. В странах Востока, в наибольшей степени затронутых сталинизмом, доклад посеял семена инакомыслия, которым предстояло дать обильные всходы.